

Оксана Нагорная

Рец. на: А.В. Голубев, В.А. Невежин. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии (1920-е – первая половина 1940-х гг.). М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2016. 238 с.

Oxana Nagornaja

(South Ural State University, Cheliabinsk, Russia)

Rec. ad op.: A.V. Golubev, V.A. Nevezhin. Formirovanie obraza Sovetskoi Rossii v okruzhayuschem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii (1920-e – pervaya polovina 1940-h gg.). Moscow, 2016

Бурное развитие междисциплинарного исследовательского ландшафта вокруг феномена сталинизма в последние десятилетия способствовало не только введению в научный оборот новых источниковых групп и приращению теоретического знания, но и открытию иных тематических полей, разработка которых позволяет преодолеть исключительно национальную перспективу изучения амбивалентного прошлого. В настоящий момент развернулись интенсивные дискуссии о необходимости расширения существующих представлений о советском эксперименте как об уникальном проявлении модерности в пользу его универсализации и помещения в контекст глобальных трендов. В связи с этим некоторые исследователи обратились к изучению кросс-культурных и трансидеологических взаимодействий Советской России в годы «великого перелома».

Параллельно с появлением крупных работ в области изучения внешнеполитических репрезентаций сталинского режима на международной арене¹ авторы рецензируемой монографии А.В. Голубев и В.А. Невежин констатируют недостаточную изученность политических целей использования культурного обмена и интеллектуального сотрудничества в межвоенный период и годы Второй мировой войны. Книга, основанная на анализе широкой источниковой базы, является одновременно своеобразной квинтэссенцией предыдущих работ двух авторов и своеобразным маркером состояния исследовательских дискуссий в данном проблемном поле.

Первостепенным из заявленных исследовательских вопросов монографии авторы

считают выявление специфики большевистской политики формирования и трансляции образов режима вовне в период его становления и консолидации. Выявляя параллели между внешнеполитическими репрезентациями Российской империи и советскими усилиями на международной арене, Голубев и Невежин видят специфику межвоенного периода прежде всего в небывалом размахе мероприятий культурной дипломатии и в их связи с идеологическими парадигмами (в понимании авторов – «мифологическим мышлением») большевиков.

Авторы основываются на сформулированном в их предыдущих работах определении культурной дипломатии как практики «использования государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей» (с. 9). Несмотря на достаточно широкую дефиницию, читателю недостаёт весьма важных пояснений: употребляются ли часто используемые в книге понятия «культурный обмен», «интеллектуальное сотрудничество», «культурная пропаганда» в качестве синонимов «культурной дипломатии», её структурных элементов или как наименования родственных, но отличных явлений советских (и не только) внешнеполитических репрезентаций?

Одним из решающих факторов, определившим степень открытости вовне советского межвоенного общества, Голубев и Невежин называют специфику функционирования различных государственных институций и масштабную ротацию работавших в них

кадров. Единичные попытки «старой интеллигенции» сохранить прежние транснациональные сети, поддерживая культурные контакты с границей, быстро сошли на нет с приходом новой волны «сталинских выдвиженцев», не имевших соответствующего образования и знания языков, не разделявших европейские ценности и совершенно не заинтересованных в коммуникации с внешним миром. Ужесточению ограничительных мер в сфере циркуляции людей и информации способствовали логика развития отдельных бюрократических структур и рост чиновничьих амбиций (например, у функционеров Всероссийского общества культурных связей с границей). Стремление позиционировать себя в ряду многочисленных советских организаций обусловило их усилия по созданию иллюзии контроля над ситуацией с помощью запретительных мер.

Противоречивость самих институциональных практик советской культурной дипломатии объясняется авторами, помимо прочего, непоследовательностью определения объёмов финансового обеспечения отдельных мероприятий. С одной стороны, подчёркивается хроническое недофинансирование визитов и пропагандистских акций, с другой — приводятся весьма любопытные примеры щедрой оплаты статей иностранцев (литераторов, корреспондентов, партийных деятелей) в центральных советских газетах в качестве одного из средств обеспечения их лояльной позиции по отношению к СССР, а также мощной финансовой поддержки антифашистских по своей направленности конгрессов литераторов, проводившихся в европейских странах в 1930-х гг. (с. 119).

Общим местом существующих исследований культурной дипломатии межвоенного периода, в том числе рецензируемой книги, остаётся дискуссия об индикаторах эффективности усилий в сфере межнациональной коммуникации. Авторы подчёркивают неоднозначность достигнутых результатов: им удаётся иллюстративно продемонстрировать узкие места «культпоказа», которые отмечали даже его пассивные участники — советские рабочие, латентно или открыто отказавшиеся поддержать те или иные инициативы. Напротив, эксплуатацию идей антифашизма в 1930-х гг. Голубев и Невежин оценивают в пози-

тивных категориях, как «звёздный час советской культурной дипломатии». Косвенным маркером продуктивности советских внешнеполитических репрезентаций является взаимодействие «послов культуры» с секретными службами: в ходе организации визитов функционерам от культурной дипломатии удавалось формировать благосклонность иностранцев, которые затем легче вербовались советской разведкой.

Отсутствие в заявленном авторском инструментарии чётко определённых критериев успешности культурной дипломатии не позволяет им в достаточной мере аргументировать некоторые тезисы. К примеру, заявление о том, что «наиболее результативной формой подачи визуальной информации о советских военных усилиях на войне стали фотовыставки» (с. 174), не проиллюстрировано демонстрацией количества посетителей, выдержками из их отзывов и масштабами медийного сопровождения экспозиций за рубежом.

Значимым вкладом авторов в актуальные дискуссии о специфике советской культурной дипломатии стала заключительная часть книги, где продлены хронологические рамки предыдущего исследования — до окончания Второй мировой войны — и описаны мероприятия трансляции образа героических усилий советской стороны в сознании союзников. Наглядно показана хаотичная смена концепций и адресатов посланий, рассчитанных на иностранную публику в зависимости от внешнеполитической конъюнктуры (пакт Молотова—Риббентропа, складывание антигитлеровской коалиции). Кроме того, авторы выявили достаточно высокую инертность ответственных институций: к примеру, несмотря на высокий интерес союзников к жертвам советского народа, принесённым на алтарь борьбы с нацизмом, представители советских органов в стиле раннесталинского культпоказа скрывали негативную информацию об их стране от иностранных СМИ и поставляли за рубеж лишь материалы идеологического характера (с. 198).

В целом дискуссионность некоторых тезисов и аргументов авторов монографии не мешает оценить её как важный, богатый источниковыми материалами обзор тематического поля, который может стать основой для развития дальнейших концептуальных размышлений о советской культурной дипло-

матии 1920–1940-х гг. и последующих периодов. Перспективными видятся развитие понятийных дискуссий через «включение» в них темы инициативы и деятельности индивидов и групп в области «некабинетной» дипломатии, а также определение критериев эффективности культурной дипломатии, более чёткое выделение этапов и ключевых факторов развития её отдельных сфер и их отграничение друг от друга, описание моделей советской культурной дипломатии в зависимости от региона и идеологической ориентации стран-адресатов.

На фоне продемонстрированной Голубевым и Невежиным противоречивости мероприятий культурной дипломатии, асистемности предпринимавшихся в межвоенный период усилий необходимым представляется уточнение заключительных выводов о том, что «после войны советская культурная дипломатия не смогла достичь уровня эффективности предвоенных и военных периодов» (с. 219). Речь, видимо, должна идти не только о проблеме индикаторов результативности, но и о важности детального изучения внешнеполитических репрезентаций СССР во второй

половине XX в. Несмотря на мозаичность существующих исследований, уже сегодня можно говорить о том, что кардинальные изменения условий сосуществования двух систем после окончания Второй мировой войны привели к тому, что сфера культурной дипломатии стала ярким воплощением дихотомического имперского самосознания. Наряду с сохранением в данной сфере персонального континуитета, глобальные и региональные кризисы способствовали масштабной трансформации концепций и структур культурной дипломатии. Обращение к новым средствам массовой информации и трансляция их на новые (в том числе географические) направления длительное время позволяли стабилизировать структуры внутриблоковой и глобальной коммуникации.

Примечание

¹ *David-Fox M. Showcasing the Great Experiment. Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Oxford, 2012; David-Fox M. Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union. Pittsburgh, 2015.*

Владимир Невежин

Е.М. Примаков: наследие учёного и политика

Vladimir Nevezhin

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Yevgeny Primakov: the legacy of the scientist and politician

Имя академика Евгения Максимовича Примакова (1929–2015) – журналиста, учёного, дипломата, государственного и общественного деятеля – хорошо известно как в России, так и за рубежом. Учитывая огромное значение научной, политической и общественной деятельности Примакова, Торгово-промышленная палата РФ при финансовой поддержке ряда коммерческих организаций и физических лиц подготовила и выпустила в свет 10-томное собрание его сочинений*.

Рабочая группа во главе с к.и.н. А.М. Рыбаковым (д.э.н. В.Л. Малькевич, к.и.н. Г.А. Бордюгов, к.и.н. А.И. Шкирандо, И.Л. Митрофанов и И.Б. Примакова) сформировала структуру издания, написала введение, предисловие и комментарии, составила указатели и библиографические материалы. Отдельные тома были подготовлены Д.Г. Коробковым (1–3), к.и.н. А.Г. Ложкиным (4), к.и.н. Т.А. Филипповой (5), А.В. Владимирским (6–7), к.и.н. Л.С. Гагатовой (8–9) и к.и.н. Д.А. Андреевым (10). Вспомогательную работу выполнили

* *Примаков Е.М. Собрание сочинений. В 10 т. / Сост. А.М. Рыбаков и др. М.: ТПП РФ; Российская газета, 2016.*